

АДЫГСКИЕ ПАДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

И. Г. Багиорова

Институт языкознания Российской академии наук

Поступила в редакцию 3 мая 2016 г.

Аннотация: в работе рассматривается функционирование системы склонения в адыгских языках с целью выявления основных теоретических и практических проблем, стоящих перед учеными-адыговедами. В круг решаемых ими задач входит определение количества, функциональной и семантической нагрузки падежей в адыгских языках с учетом корреляций склонения с другими именными грамматическими категориями. В статье представлен сопоставительный анализ наиболее значимых для данной проблематики работ кавказоведов. В работе систематизируются данные по падежной системе адыгских языков, представленные не только в дескриптивных грамматиках, но и в функционально-ориентированных исследованиях последних лет. Делается вывод о том, что сложности в решении дискуссионных вопросов адыгского падежа вызваны как особенностями строя адыгских языков, так и общелингвистическими проблемами.

Ключевые слова: адыгские языки, падеж, синтаксические функции, семантические роли.

Abstract: the paper analyses functioning of the Circassian case system aiming to reveal the main theoretical and practical problems faced by the scientists involved in determining the amount of functional and semantic characteristics of cases in the Circassian languages. The author takes into account correlations between declination and other nominal grammatical categories. For this purpose, methods of description and comparative analysis were used in the survey of the most relevant works on the matter discussed. This article aims at systematization of the data on the Circassian case system as presented both in descriptive and functional studies of the recent years. It is shown that the major part of the problems under discussion can be explained by specific features of the Circassian languages and theoretical controversies.

Key words: Circassian languages, case, syntactic functions, semantic roles.

Цель настоящей работы – описать проблемное поле падежной системы адыгских языков (адыгейского и кабардино-черкесского) в системе морфосинтаксических, семантических и формальных факторов. Грамматическая категория падежа в адыгских языках неоднократно становилась предметом рассмотрения авторитетных исследователей-кавказоведов. Существенный вклад в изучение адыгской морфологии в целом и падежа как одной из важнейших словоизменительных категорий внесли первые фундаментальные исследования по адыгским языкам Р. Ф. Яковлева, Д. А. Ашхамафа, Г. В. Рогавы и З. И. Керашевой. Описанию адыгской падежной системы уделено большое внимание в трудах М. А. Кумахова. Система склонения в адыгских языках стала предметом многолетних исследований У. С. Зекоха, А. К. Шагирова, Г. А. Климова, Н. Т. Гишева, Х. Т. Таова и других видных кавказоведов, в работах которых затрагиваются актуальные проблемы падежной терминологии, сущности семантики и функций падежей (данная статья не претендует на обзор всей обширной литературы по рассматриваемой теме).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-07434А.

© Багиорова И. Г., 2016

Своеобразие системы склонения, обусловленное эргативным строем языка, породило разногласия относительно номенклатуры, количества и функциональной нагрузки выделяемых падежей. Кроме того, сложности, возникающие у исследователей данного аспекта грамматики языка, связываются и с «отсутствием общей теории падежа в теоретическом языкознании» [1, с. 63].

На сегодняшний день большинство исследователей принимают в общем виде точку зрения, высказанную в [2, с. 316]: категория падежа представлена парадигмой склонения, состоящей из четырех падежей: именительного² (субъект и прямой объект при переходном глаголе), эргативного (субъект и косвенный объект при переходном глаголе; обстоятельства места и времени; косвенный объект орудия), творительного (косвенное дополнение, инструмент, направление), превратительного (превращение во что-либо, обстоятельство образа действия, относительное имя при причастиях, определение имени; реальный субъект

² Следует заметить, что термин «именительный падеж» появился в описаниях эргативных адыгских языков отчасти под влиянием традиций описания языков аккумулятивных. В дальнейшем у разных авторов он стал называться также прямым или абсолютным падежом, что, конечно, точнее отражает его дистрибуцию.

ект при выражении времени). Именно такие падежи и выражаемые ими синтаксические функции были предложены Г. В. Рогава и З. И. Керашевой [3, с. 61].

В исследованиях М. А. Кумахова также описываются четыре падежа: номинативный, эргативный, творительный и обстоятельственный. В работе [4] именно склонение представляют абсолютив, эргатив, определяемые как «ядерные падежи», «периферийный» инструментальный, и адвербиальный, статус которого «не вполне ясен, поскольку имя, оформленное им, скорее выполняет функции второстепенного предиката» [там же, с. 52–53].

Однако существуют и другие подходы к количественной характеристике категории адыгейского падежа. Так, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф выделили «два основных падежа – прямой, или пассивный, и косвенный, или активный, и ... две падежеобразные формы» – орудную и превратительную [5, с. 385]. По мнению У. С. Зекоха, парадигму склонения имени в адыгейском языке представляют семь падежей: патетивный, эргативный, относительный, сравнительный, творительный, адессивный и звательный [6, с. 13]. Н. Т. Гишев находит в адыгейском языке пять падежей: аблатив, абсолютив, эргатив, творительный и транслатив (превратительный), подчеркивая, что «основным критерием для выделения абсолютного и эргативного падежей ... следует признать синтаксический метод» [7, с. 76]. Падежную систему адыгских языков в трактовке А. К. Шагирова характеризуют три падежа существительного: именительный, эргативно-косвенный и орудный. Морфема *-эу* рассматривается им «не как падежное окончание, а как формообразовательный элемент», передающий в данном случае предикативную природу оформленного таким образом имени [8, с. 67–74]. О трех падежах в адыгейском языке – абсолютном, эргативном и творительном (с поправкой на условность такого названия) – говорит и Г. А. Климов. А суффикс *-(э)у* определяются им как «послелог, передающий значения превратительности и совместности (орудийности)» [9, с. 39].

Несложно заметить, что наиболее спорным остается падежный статус морфемы *-(э)у* и ее функции. Считается, что функция, выполняемая морфемой *-(э)у* во многом определяется семантикой той основы, к которой она присоединяется.

В одной из современных типологических работ [10, р. 75] парадигма склонения в адыгских языках представлена абсолютным, эргативным и косвенным падежами. Традиционно описываемые в адыговедении центральные синтаксические функции падежа, маркируемого синкретичным суффиксом *-м* (субъект при переходном глаголе и косвенный объект при непереходном), здесь послужили основанием для

того, чтобы разделить эргативный и косвенный падежи.

Таким образом, вопрос о количестве падежей в адыгских языках остается дискуссионным. Такая ситуация обусловлена, в том числе, опорой исследователей на разноуровневые критерии: синтаксические, семантические или смешанные³.

Вместе с тем в современной лингвистике реализуются и другие подходы к исследованию падежа, при которых фокус внимания смещается с количественного аспекта на иные. Так, в актуальных типологически ориентированных работах по адыгским языкам объектом анализа становятся конкретные семантические роли отдельных падежей, характеристики актантов и формальные свойства падежных показателей.

Как показано в [4, с. 80–83], в адыгейском языке обнаружены парадоксальные с точки зрения типологии эргативности случаи, когда имя, определяющее местоимение 1-го или 2-го лица, маркируется показателем эргатива в конструкциях с непереходным глаголом, например: *Тэ, клалэхэм, тыкэкжуагъ* ‘Мы, парни, пришли’. Если же вершиной именной группы является местоимение 3-го лица, существительное оформляется ожидаемым в подобной конструкции абсолютивом: *Ахэр, клалэхэр, кэкжуагэх* ‘Они, парни, пришли’. Традиционные представления о функционировании абсолютива и эргатива в адыгейском языке не позволяют в полной мере объяснить подобные примеры. С опорой на выявленные морфологические факты авторы предлагают довольно неожиданный взгляд на функции этих падежей: «в адыгейском языке абсолютив маркирует ядерный актант, не имеющий соотносимого с ним выраженного префикса в составе глагольной словоформы, а эргатив – это падеж актанта, присутствие которого получает в составе предиката ненулевое выражение» [4, с. 83].

Особенностям оформления и семантики адыгейского инструментального падежа (творительного/орудного в другой терминологии) посвящена статья «Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка» [12]. Авторы демонстрируют, что выбор оформления инструменталиса – присоединение показателя инструментального падежа *-кIэ* к основе с показателем эргатива *-м* или без него – иногда связан с (не)определенностью имени, «в то время как другой ряд значений тяготеет к двойному оформлению независимо от определенности-неопределенности» [там же, с. 171]. Подобная вариативность в оформлении основы, присоединяющей падежный маркер, как показано в статье, является уникальной

³ Сложности в определении инвентаря и функций падежей не являются уникальной особенностью грамматики адыгейского языка (см. об этом в [11, с. 161–184]).

с типологической точки зрения. Кроме того, в работе представлены и впервые систематизированы все ранее описанные семантические роли инструментального падежа, а также выявлены четыре новых.

Исследование падежа невозможно без анализа его взаимодействия с другими именными категориями – числом и определенностью.

В статье П. М. Аркадзева рассматривается вариативность выражения множественного числа в косвенном (эргативном) падеже в адыгейском языке, отмеченная еще в [4, с. 62]. Речь идет о равноправном существовании в языке таких форм, как *кIалэ-хэ-м/ кIалэ-мэ/ кIалэ-хэ-мэ* ‘юноши’. Таким образом, «...одна комбинация граммем имеет в адыгейском языке три различных способа выражения: аддитивный *-хе-т*, кумулятивный *-те* и плеонастический *-хе-те*» [13, с. 550]. Отсутствие единообразия в структуре парадигмы усложняет возможность ее описания средствами формальной морфологии. Хотя по замечанию автора современный уровень развития теории все же позволяет справиться с этой задачей, «однако сама по себе необходимость прибегать к разного рода механистическим ухищрениям говорит о нетривиальности эмпирических фактов» [13, с. 558].

Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф первыми предложили выделять определенное и неопределенное склонение существительных (таблица), что и закрепилось в традиционных исследованиях по адыгской грамматике [3, с. 62–63].

Целесообразность дифференцированного подхода к определенному и неопределенному склонению отмечается в сопоставительной работе Х. Т. Таова: «показатели основных падежей определенного склонения и категории определенности одни и те же, а при неопределенном склонении основные падежи... не имеют своего морфологического показателя» [14, с. 6].

Сегодня уже можно считать общепринятой точку зрения, что наличие или отсутствие падежного мар-

кера в значительной степени зависит от (не)определенности имени и связано с его референциальным статусом. Кроме того, падежные маркеры не присоединяются к именам собственным и к посессивным существительным. О кумулятивных свойствах морфем *-р* и *-м*, а также различных лексических и грамматических ограничениях на их употребление говорится в сопоставительной работе [15, с. 24–26].

Связь между структурой именных конструкций и чередованием маркированной и немаркированной форм эргатива и абсолютива устанавливается в статье Я. Г. Тестельца. Немаркированные нереперентные и неопределенные именные группы рассматриваются как частный случай псевдоинкорпорации – явления, известного и хорошо изученного в типологии. Уникальность адыгских языков, по мнению автора, заключается в том, что вариативное падежное маркирование именных групп с признаками псевдоинкорпорации затрагивает «не только прямое дополнение, но и другие именные члены предложения: подлежащее и не прямое дополнение, как в эргативной, так и в абсолютивной конструкции» [16, с. 537].

В представленных выше работах предприняты попытки определения роли падежей, особенностей их функционирования и взаимодействия с другими категориями. Однако какой бы из этих аспектов ни рассматривался, становится очевидным, что данные адыгских языков не укладываются не только в традиционную систему, выработанную на материале европейских языков, но и в систему типичных эргативных и типичных агглютинативных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков / М. А. Кумахов. – М. : Наука, 1971. – 342 с.
2. Уракова Ф. К. Сопоставительная характеристика лексико-грамматических единиц русского и адыгейского языков / Ф. К. Уракова, Б. М. Берсиров // Вестник АГУ. – 2012. – № 3. – С. 314–320.

Т а б л и ц а

Падеж	Определенное (кIалэ ‘юноша’)		Неопределенное склонение (матэ ‘корзина’)	
	Число			
	Ед.	Мн.	Ед.	Мн.
Именительный	кIалэ-р	кIалэ-хэ-р	–	–
Эргативный	кIалэ-м	кIалэ-хэ-м/ кIалэ-хэ-мэ/ кIалэ-мэ	–	–
Творительный	кIалэ-м-кIэ	кIалэ- кIэ	матэ-кIэ	–
Превратительный	кIалэ-эу	кIалэ	мат-эу	–

3. *Рогава Г. В.* Грамматика адыгейского языка / Г. В. Рогава, З. И. Керашева. – Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1966. – 462 с.
 4. *Аркадьев П. М.* Введение. Основные сведения об адыгейском языке / П. М. Аркадьев [и др.] ; ред. Я. Г. Тестелец // *Аспекты полисинтетизма : очерки по грамматике адыгейского языка.* – М. : РГГУ. – С. 17–122.
 5. *Яковлев Н. Ф.* Грамматика адыгейского литературного языка / Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 433 с.
 6. *Зекох У. С.* Система склонения в адыгейском языке / У. С. Зекох. – Майкоп : Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1969. – 224 с.
 7. *Гишев Н. Т.* Вопросы эргативного строя адыгских языков / Н. Т. Гишев. – Майкоп : Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1985. – 192 с.
 8. *Шагиров А. К.* Фонетика и морфология кабардинского языка / А. К. Шагиров. – Нальчик : Эль-Фа, 2004. – 222 с.
 9. *Климов Г. А.* Введение в кавказское языкознание / Г. А. Климов. – М., 1986. – 214 с.
 10. *Caponigro I., Polinsky M.* Relative embeddings : a Circassian puzzle for the syntax/ semantics interface // *Natural Language and Linguistic Theory.* – Vol. 29. – № 1. – P. 71–122.
 11. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.
 12. *Сердобольская Н. В.* Двойное падежное маркирование : уникальный случай адыгейского языка / Н. В. Сердобольская, Ю. Л. Кузнецова // *Аспекты полисинтетизма : очерки по грамматике адыгейского языка* / отв. ред. Я. Г. Тестелец. М. : РГГУ, 2009. – С. 166–200.
 13. *Аркадьев П. М.* О некоторых особенностях склонения в адыгских языках / П. М. Аркадьев // *Язык. Константы. Переменные : Памяти Александра Евгеньевича Кибрика : сб. статей.* – СПб. : Алетейя, 2014. – С. 552–563.
 14. *Таов Х. Т.* Склонение в адыгских языках в сравнительном освещении / Х. Т. Таов. – Нальчик, 1967. – 52 с.
 15. *Багиорова И. Г.* Категория определенности-неопределенности в сопоставительном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Багиорова. – М., 2000. – 33 с.
 16. *Тестелец Я. Г.* Структура именных конструкций и проблема чередования падежей / Я. Г. Тестелец // *Язык. Константы. Переменные : Памяти Александра Евгеньевича Кибрика : сб. статей.* – СПб. : Алетейя, 2014. – С. 536–551.
- Институт языкознания Российской академии наук*
Багиорова И. Г., кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела кавказских языков
E-mail: ibagirokova@yandex.ru
Тел.: 8 (495) 691-63-06
- Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences*
Bagirokova I. G., Candidate of Philology, Researcher
of the Caucasian Languages Department
E-mail: ibagirokova@yandex.ru
Tel.: 8 (495) 691-63-06